

МЕТОДОЛОГИЯ

Е.В. БАЛАЦКИЙ

Дискурсивная экономика и ее возможности

В статье рассматриваются принципы и основные идеи нового научного направления – дискурсивной экономики. Показаны наиболее плодотворные приложения дискурсивного анализа в экономике и политике. Раскрывается соотношение между дискурсивным и традиционным экономическим анализом.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, социальная эволюция, качественные методы в экономике.

This article describes the principles and main ideas of a new scientific direction. The author shows the most fruitful applications of discursive analysis in economy and politics. The ratio between the discursive and traditional economic analysis is elaborated.

Keywords: discourse analysis, social evolution, qualitative methods in economy.

К настоящему моменту экономическая наука сложилась как наука сугубо *количественная*. Сегодня ее арсенал – бесконечная вереница формул, калейдоскоп моделей, гора теорем и тонны цифр. Все это разбросано по сотням и тысячам научных журналов и книг. Между тем всем уже стало совершенно ясно, что накопленный инструментарий количественных, математических методов экономики не позволяет решать даже самые насущные и простые проблемы. Например, в практике управленческих решений современные методы экономической науки практически не используются, а все экономические прогнозы, как правило, либо банальны, либо ошибочны. Что же можно сделать в создавшейся кризисной ситуации? Есть ли в недрах экономической науки какие-либо иные, альтернативные и более эффективные подходы к изучению социальных явлений?

Альтернатива действительно есть, однако у нее до сих пор еще нет общепринятого названия. Речь идет о науке, которая изучает все социальные процессы через призму языка и посредством смысловых концептов, заложенных в устной речи и письменных текстах. О. Розеншток-Хюсси предлагал называть ее *метаномикой общества* [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 43], понимая под таковой некое сверхзнание, заложенное в человеческом языке. Следуя более современной традиции, я буду называть это новое научное направление *дискурсивной экономикой*, или дискурсивным анализом¹.

¹ Здесь и далее под дискурсом понимается процесс речевой деятельности людей в самом широком смысле слова.

Сразу оговорюсь, что данное научное течение еще до конца не оформилось и представляет собой некий *неявный методологический тренд*, который пока находится на обочине “большой науки”. В то же время многое говорит о том, что у этого направления большое будущее. В данной статье рассматриваются истоки, сущность и проблемы новой социальной дисциплины².

Сущность и особенности дискурсивной экономики

Сегодня трудно однозначно определить родоначальника дискурсивной экономики. На мой взгляд, одним из наиболее тонких и системных идеологов этого направления следует признать Розенштока-Хюсси, который как прорицатель уже в 1960-х гг. писал работы, поражающие читателя и по сей день. Опираясь на так называемый грамматический метод, он отвел языку место фундамента всех социальных процессов. Он полагал, что язык срастается с социальной жизнью, а потому через него мы можем познать и все социальные движения. Согласно его классической формуле, социальные опасности понуждают нас *выговаривать* свое сознание: “то, что мы осознаем, мы проговариваем” [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 31].

Различные формы общественной дезинтеграции заставляют нас думать, говорить, писать и изучать. Согласно Розенштоку-Хюсси, разные виды энергии общественной жизни сконцентрированы в словах. Циркуляция осмысленной речи несет обществу жизненные силы; в отсутствие артикулированной речи общество теряет ориентацию во времени и пространстве и погибает. Говоря, мы как бы сбрасываем накопившееся социальное напряжение. Если бы мы не высвобождали таким образом нашу энергию, нас просто разорвало бы на части либо от чрезмерного внутреннего и невыраженного желания, либо от обилия внешних впечатлений, либо от гипертрофированной любознательности относительно будущего. Тем самым *грамматика* оказывается своего рода *самосознанием языка*, точно так же, как *логика* – *самосознанием мышления*. Соответственно, знание грамматики в широком смысле слова наделяет человека способностью противостоять искушениям примитивной логики и ее необдуманному применению [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 17, 24, 26].

Такая, на первый взгляд, преувеличенная роль языка для социального познания определяется следующими фактами [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 69]:

1. Когда мы говорим, мы сквозь тысячелетия вступаем в контакт с зарей человечества, ибо пытаемся употреблять *подлинные* слова.
2. Произнося слова, мы фактически стремимся завершить их эволюцию, ибо создаем из наследия веков *ответственные* и, следовательно, новые комбинации.
3. Говоря, мы выражаем внутренние интенции и эмоции, тем самым завершая их и таким образом *освобождаясь* от них.
4. Говоря, мы регистрируем внешние процессы, которые затрагивают наши органы чувств, и не успокаиваемся до тех пор, пока наши ощущения не *прояснятся* с помощью языка.

Исходя из основополагающей роли языка, можно утверждать, что все социальные дисфункции или, по терминологии Розенштока-Хюсси, бедствия, во-первых, проявляются в дискурсивных проблемах, а во-вторых, порождаются несовершенством текущего дискурса, неумением вести адекватный диалог. При этом, как оказывается, существующие социальные дисфункции не так уж разнообразны и могут быть агрегированы в четыре группы: война, кризис (упадок), анархия и революция³. При этом

² Прекрасное описание становления дискурсивного анализа осуществлено в [Ефимов, 2011^a, 2011^b]. Данная статья может рассматриваться в качестве дополнения к этим работам.

³ Заметим, что данные понятия Розеншток-Хюсси использует не в традиционном смысле и не придерживается логической строгости. Особенно это касается рассмотрения категорий-антиподов. Чтобы понять логику Розенштока-Хюсси, надо “погрузиться” в пропагандируемый им дискурсивный контекст, тогда его трактовки классических понятий становятся понятными.

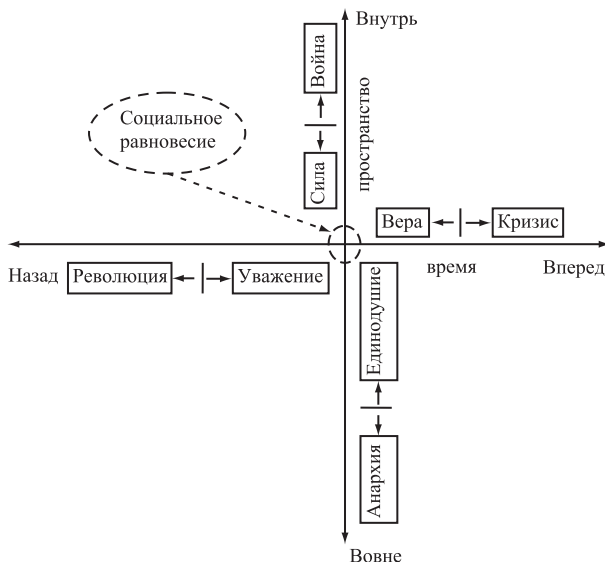

Рис. 1. Пространственно-временной крест социальной динамики.

данная классификация пронизана пространственно-временной логикой (см. рис. 1). Рассмотрим ее более подробно.

Четыре расходящиеся стрелки указывают четыре направления – два в пространстве (внутри и наружу) и два – во времени (вперед и назад). Такой пространственно-временной крест определяет характер возможных социальных дисфункций. Например, *анархия* возникает при доминировании *центробежной силы* (отталкивания), когда индивидуумы (классы) не стремятся прийти к какому-либо соглашению; *единодушие* исчезает, сплоченность разрушается, эффективная кооперация становится невозможной. В этом случае социум раскалывается на автономные части, каждый преследует свои цели, социальная система распадается с вытекающей отсюда потерей своей функциональности. Иными словами, *анархия* разрушает *внутреннее единство*. Соответственно, благо, действующее в противоположном направлении и способное восстановить нарушенное равновесие, – это *единодушие* (см. рис. 1).

Война является антиподом *анархии* в том смысле, что она порождает доминирование *центростремительной силы* (притяжения), когда страна пытается включить в свой состав территорию, лежащую вовне, за пределами ее границ⁴. В этом случае игнорируется факт экстерриториальности, осуществляются повышенные затраты и усилия на укрепление дееспособности власти для присоединения внешнего социума. Иными словами, *война* разрушает *единство внешнего мира*, или *внешнее единство*. Как правило, завоевательные войны начинаются, когда у правительства нет сил (власти, энергии) поддерживать жизнь общества в нормальном состоянии. Войны обнаруживают слабость системы мирного времени, когда ей не хватает сил в организации пространства. Одновременно с этим страна, начинающая войну, расписывается в том, что она не в состоянии мирным путем подчинить чужую территорию своей воле. Создание армии как способа искусственного объединения людей и придания им общего вектора движения позволяет компенсировать слабость гражданских и государственных институтов. Благо, способствующее победить войну, это *сила*, то есть власть в форме эффективной организации пространства (см. рис. 1).

⁴ Розеншток-Хюсси рассматривает только внешние завоевательные войны, делая акцент на их инициаторе.

Еще одной социальной дисфункцией выступает упадок, или *кризис*, который возникает в результате неспособности видеть собственное будущее, ставить долгосрочные цели и задачи. По мнению Розенштока-Хюсси, вера сама по себе никогда не бывает убеждением по поводу бывших вещей; она всегда относится к будущему [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 19]. Тем самым упадок уничтожает правую половину временной шкалы социума. Благо, способствующее преодолению кризиса, это *вера*, то есть ясное представление общественного будущего (см. рис. 1).

Антипод кризиса – *революция*, возникающая в результате *насилия над прошлым*. Революция, как правило, отрицает прежние достижения, отвергает ранее сформированный миропорядок, игнорирует и “ликвидирует” людей, обладающих заслугами в прошлом. Почти всегда революция перечеркивает историю собственного народа, пытаясь строить новый мир. Иначе говоря, феномен революции – это отсутствие уважения к прошлому⁵. Следовательно, революция уничтожает левую половину временной шкалы социума. Благо, противостоящее революции, это *лояльность или уважение* прошлого (см. рис. 1).

В основе всех перечисленных дисфункций лежат дискурсивные проблемы⁶. Основа революции – нежелание слушать представителей старших поколений, в основе кризиса – неумение найти общий язык с представителями младших поколений, в основе анархии – нежелание понимать соплеменников, в основе войны – неумение вести диалог с представителями других народов.

Любопытно, что облегчение при названных четырех социальных заболеваниях приносит четыре различных *стиля речи* – люди рассуждают, принимают законы, рассказывают и поют. Внешний мир продумывается, будущее управляется, прошлое рассказывается, единодушие во внутреннем кругу выражается в пении [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 23]. Так проявляется соответствие типов социальных бедствий функциям языка и стилям речи. Такое триединство создает прочную методологическую основу для дискурсивной экономики.

Рассмотрение четырех социальных бедствий имеет глубинный смысл, ибо все четыре фронта жизни должны постоянно взаимно уравниваться. Полная победа на одном из них – тотальная война, тотальный кризис, тотальная анархия и тотальная революция – означает конец общества. Поэтому и социальная эволюция это непрерывный поиск *равновесия*, а социальное исследование – изучение причин нарушения равновесия посредством анализа дискурсивных практик. В каком-то смысле удержание общества вблизи пресловутого равновесия и составляет цель дискурсивной экономики и основанной на ней системе управления. В данном пункте Розеншток-Хюсси осуществляет переосмысление основного понятия современной экономической теории – *эквilibриума* (равновесия).

Таким образом, изучая язык, речь и литературу, мы, по мнению Розенштока-Хюсси, можем создать некую всеобъемлющую социальную науку, которая смогла бы диагностировать силу, единодушие, жизнеспособность и исправность социума. Можно предположить, что исследование вербальных форм позволит разработать тесты для определения “болезней” общества.

Изложенная выше теория Розенштока-Хюсси имеет как общеметодологическое, так и прикладное значение. В первом случае она указывает направление, в котором следует перестраивать современное социальное знание. Во втором – она задает некий исследовательский трафарет, с помощью которого можно осуществлять диагностику общества на наличие тех или иных кризисных явлений.

⁵ Разумеется, это очередное “дискурсивное упрощение” Розенштока-Хюсси. В ряде случаев революции, разрушая недавно построенный мир, реанимируют ценности и устои более раннего времени.

⁶ Следует отметить, что при раскрытии четырех социальных дисфункций мы немного отступили от канонических представлений Розенштока-Хюсси. Например, кризис и анархию он использует как синонимы, а упадок у него с кризисом, строго говоря, никак не связан. На мой взгляд, современное прочтение должно быть иным: кризис и упадок следует воспринимать в качестве синонимов, а анархия представляет собой самостоятельное социальное бедствие. В противном случае приемлемая логическая непротиворечивость рассматриваемых социальных категорий становится недостижимой.

Язык, социальная энергия, мир: новые критерии развития

Если формализовать рассуждения Розенштока-Хюсси, можно нарисовать кибернетическую схему функционирования общества с прямой и обратной связями (см. рис. 2). При этом все социальные процессы канализируются в речи (дискурсе) посредством языка (прямая связь). В то же время речь служит для коррекции социальных процессов посредством использования энергии индивидов (обратная связь). При этом коррекция может быть эффективной, когда социальная энергия накапливается и рационально используется, и неэффективной, когда энергия рассеивается или деструктивно растрачивается.

Согласно М. Веллеру, в основе развития человека и общества лежит *избыток энергии*, позволяющий обеспечить не только самосохранение и воспроизводство популяции, но и решать творческие задачи [Веллер, 2011, с. 152]. Если лишить социум этой энергии, он либо попадет в фазу длительной депрессии, либо вообще будет активно деградировать. В связи с этим энергетическая подпитка общества посредством дискурсивных механизмов является залогом социальной эволюции. К такому пониманию примыкает определение политики, данное С. Кургиняном: “Политика – это управление общественными энергиями” [Кургинян, 2012]. Само же управление, как несложно видеть, базируется на дискурсивных технологиях⁷.

Отталкиваясь от подобного представления об обществе, Розеншток-Хюсси приходит к, казалось бы, тривиальному выводу о том, что без опыта мирной жизни никакой социальный прогресс невозможен. Однако то, что в основе этого вывода лежит дискурсивный фактор, снимает вопрос о тривиальности. Как справедливо утверждает Розеншток-Хюсси, безнадежно преподавать социальные дисциплины детям, не имеющим мирной жизни дома или в школе, людям, отчаявшимся получить работу, или тому, кто живет как животное, преследуемое охотниками [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 43]. Передача опыта социальной жизни возможна только в мирное время; во время войны враждующие люди не общаются, а потому и взаимное понимание в принципе невозможно. Следовательно, нарушение мира, по Розенштоку-Хюсси, автоматически обрывает дискурсивный канал, изображенный на рисунке 2, в связи с чем социальная энергия начинает бесплодно рассеиваться, блокируя общественный прогресс. Опираясь на эти простые представления, Розеншток-Хюсси делает довольно нетривиальное умозаключение, объясняя, почему молодые немцы, не знавшие мира в период 1914–1923 гг., оказались не способны воспринять культурные традиции Германии и легко скатились к нацистской идеологии [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 43].

Простота и кажущаяся очевидность всех идей и тезисов Розенштока-Хюсси имеют далеко идущее последствие для экономической теории. Покажу на некоторых классических примерах, как эти идеи преломляются при рассмотрении традиционных экономических проблем.

По-видимому, одной из первых революционных работ в области экономики, учитывающих непреходящую роль дискурсивных механизмов, стала книга А. Хиршмана [Хиршман, 2009]⁸. В ней автор перестроил традиционную экономическую модель совмещения функций спроса и предложения в зависимости от цены. Вместо цены он ввел в рассмотрение качество товара (услуги), в результате чего кривые спроса и предложения поменялись местами на соответствующем графике. Но главное состояло в другом: изменения на рынке провоцируются не столько сдвигами в ценах, сколько сдвигами в качестве. Причем реакция потребителя предполагает всего лишь две возможности: либо агент осуществляет *выход* с данного рынка, предпочитая продукцию других производителей, либо, не имея такой возможности, он подает *голос* в виде раз-

⁷ Сюда же примыкает принципиальный тезис Р. Харре, согласно которому в языке осуществляется непрерывная связь мысли и действия (см. [Ефимов, 2011^а, с. 28]).

⁸ Эта книга активно использует идеи о важности дискурсивного механизма, однако, строго говоря, она является не развитием, а упреждением идей Розенштока-Хюсси; работа Хиршмана вышла в 1958 г., а Розенштока-Хюсси – в 1969 г.

Рис. 2. Круговорот речи и социальной энергии.

личных форм публичного возмущения⁹. Тем самым, сама опция “голоса” оказывается как бы остаточной функцией “выхода”: если “выход” затруднен или невозможен, то активизируется “голос”¹⁰ [Хиршман, 2009, с. 39]. Традиционная экономическая теория, описывающая капиталистическую систему с присущим ей избыточным предложением товаров, всегда делала акцент на опции “выход”, выводя тем самым на первый план феномен конкуренции. Между тем в социалистической экономике, например в СССР с присущим ему избыточным товарным спросом, гораздо большее значение имела опция “голос”. Так, во всех организациях страны присутствовала специальная книга жалоб и предложений, которая аккумулировала мнение экономических агентов; этой же цели служили многочисленные профессиональные и общественные собрания. Иными словами, рыночная экономика основана на голосовании ногами, а социалистическая экономика – на дискурсивных механизмах.

Игнорирование экономической теорией опции “голос” приводило к рассмотрению социальной эволюции как однобокого процесса, в котором отсутствовал механизм диалога и договоренностей. Тем самым экономика воспринималась как *система совершенной конкуренции*, в которой судьба всех компаний определялась их фундаментальными сравнительными преимуществами [Хиршман, 2009, с. 12]. Однако такое представление сильно искажает реальность. На самом деле, всегда имеется множество форм монополии, когда потребителю некуда деваться и он вынужден покупать то, что ему навязывает фирма-монополист. Такая ситуация приводит к возникновению недовольства и напряжению в социальной системе. Если этой социальной энергии не дать выплеснуться по дискурсивным каналам, то возникает опасность одной из социальных дисфункций Розенштока-Хюсси.

Рассмотрение Хиршманом опции “голос” трудно переоценить. Прежде всего механизм *восстановления рыночного равновесия* происходит посредством двух каналов – “выхода” и “голоса”. Непонимание институтов совместного действия обоих каналов приводит к серьезным управленческим ошибкам. Это в свою очередь чревато нарушением *плавной социальной эволюции*. Как справедливо утверждает Хиршман, люди не сумели развить методы постепенной и гладкой смены руководства [Хиршман, 2009, с. 15]. Человеческому обществу Хиршман противопоставляет стадо бабуинов, в котором действует почти совершенный механизм передачи и преемственности лидерства: старые самцы постепенно отказываются от секса, но сохраняют контроль над стаей в целом, а молодые самцы, обмениваясь взаимными “сообщениями” с самками,

⁹ Д. Мюллер под “голосом” понимает волеизъявление посредством письменной, вербальной или речевой коммуникации [Мюллер, 2007, с. 237].

¹⁰ Здесь можно указать и другой ракурс проблемы: опция “выход” является частным случаем волеизъявления и подачи голоса. Например, сегодня большое значение в экономике общественного сектора приобрело так называемое “голосование ногами”, восходящее к теории Ч. Тибу и подразумевающее миграцию субъекта из “плохого” места в “хорошее” [Мюллер, 2007, с. 243]. Понятно, что молчаливое “голосование ногами” и есть пресловутая опция “выход”.

постоянно согласовывают свои действия с вожаком, определяя направления миграции стаи [Хиршман, 2009, с. 14]. То есть все перемещения стаи бабуинов происходят за счет довольно совершенного дискурсивного механизма. В человеческих сообществах лидер, наоборот, стремится зафиксировать свое привилегированное положение навсегда, не уступая ни крупницы власти без действия внешней силы.

Другое важное достижение теории Хиршмана – выделение механизма, когда доминирование опции “выход” приводит к поддержанию неэффективности социальной системы и застою. Например, многие “ленивые” монополии не возражают против ухода части их клиентов, недовольных качеством предоставляемых услуг. Так поступают, например, магазины в малых городах, электроэнергетические компании в развивающихся странах, Почтовая служба США [Хиршман, 2009, с. 61]. Тем самым посредством опции “выход” подобные компании получают относительное спокойствие клиентской базы; наиболее настырные и агрессивные уходят прочь. Говоря иначе, избыточная энергия протеста удаляется из системы, вследствие чего она лишается пассионарного источника развития и прогресса.

Особенно ярко данный эффект проявляется в политической сфере. Например, латиноамериканские диктаторы никогда не пользуются политикой “железного занавеса”, а наоборот, поощряют добровольную эмиграцию своих политических оппонентов и потенциальных критиков. Избавляясь от “источника беспокойства”, они могут более последовательно проводить свою политику [Хиршман, 2009, с. 62]. Аналогичная политика проводилась и проводится до сих пор правительствами всех государств, бывших ранее в составе СССР. Реформы породили огромное число недовольных граждан, которым правящие режимы предоставили возможность беспрепятственно эмигрировать в иные государства. Не исключено, что благодаря этому правящим элитам удалось сохранить власть без революционных потрясений.

Проведенный Хиршманом анализ подводит к пониманию того, что опция “голос” представляет собой постоянно развивающееся искусство [Хиршман, 2009, с. 47]. При выборе между двумя опциями предпочтение, как правило, отдается “выходу” в силу его меньшей затратности. Однако это мнение зиждется на *прошлом* опыте, тогда как само использование “голоса” представляет собой конструирование *будущего*, открытие более *эффективных институтов* для выражения мнения хозяйствующих субъектов. А потому отказ от использования “голоса” ведет к атрофии искусства ведения социального диалога. В данном пункте мы подходим к пониманию того факта, что искусство поддержания эффективного социального дискурса лежит в основе *проектирования новых институтов* и социального прогресса. При этом следует иметь в виду, что опция “голос” несет в себе больший преобразующий заряд, чем опция “выход”. Действительно, уходя из системы, мы оставляем ее в прежнем состоянии, способствуя ее *консервации*, тогда как артикулируя свое недовольство и возмущение ею, мы делаем первый шаг к ее *преобразованию*.

Следует отметить один важный аспект двух опций. Как правило, “выход” стигматизирует технологический прогресс, а “голос” – институциональный. Учитывая, что в капиталистической системе опция “выход” доминирует, становится понятным и тот факт, что технологические изменения в современном обществе всегда обгоняют институциональные сдвиги [Балацкий, 2012; 2011]. Отчасти это происходит из-за откровенного невнимания экономических агентов к опции “голос”. Пересмотр этой позиции позволил бы сбалансировать две линии в социальной динамике.

Логическим следствием рассмотрения двух опций стало введение третьей – *революции*. Так, если у субъекта нет возможности осуществить “выход” из “некачественной” системы и эта система не “слышит” его “голос”, то сублимированная энергия протеста вырывается в форме революций. Поэтому современная теория общественного выбора уже оперирует тремя опциями – “выходом”, “голосом” и “революцией”; более того, уже имеются вполне приемлемые теории революции [Мюллер, 2007, с. 266].

Помимо всего прочего, концепции Розенштока-Хюсси и Хиршмана позволяют построить динамическую теорию *качественных* изменений социальной системы. В них

нет доминирования количественных связей и пропорций, в них в основном присутствуют эффекты *перехода* системы из одного состояния в другое с трансформацией ее качественных свойств. В этом заключается та методологическая инновация, которая содержится в дискурсивной экономике.

Один из последних и самых ярких примеров дискурсивной экономики – теория насилия Д. Норта и его коллег [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт... 2012]. В ней дается объяснение того странного факта, в соответствии с которым многие страны, имеющие значительный капитал, природные ресурсы и образованное население, демонстрируют постоянные неудачи в экономическом развитии. В основе этой теории лежит тезис о том, что всем обществам необходимо решать *проблему насилия*. В этой точке происходит фундаментальная стыковка идей Норта, Хиршмана и Розенштока-Хюсси, что в целом противоречит неоклассическому допущению, согласно которому при наличии благоприятных возможностей и отсутствии политических или социальных препятствий рынок всегда будет расти.

В большинстве развивающихся стран отдельные люди и организации активно пользуются (или угрожают воспользоваться) насилием, чтобы сосредоточить в своих руках богатства и ресурсы. Использованию же насилия препятствуют социальные *договоренности*, создающие для агентов, обладающих властью, стимулы вести друг с другом не борьбу, а переговоры. В рамках этого подхода особое внимание уделяется природе организаций и отношений между их *лидерами* – элитой в широком смысле этого слова. В частности, признается значение *торга и переговоров* между элитами и считается, что этот торг составляет неизменное ядро любого общества. Соответственно, цель институционального анализа Норта – понять, какие типы торго способствуют позитивному экономическому и социальному развитию, а какие – нет. Тем самым успех социальной эволюции, по Норту, напрямую зависит от *дискурсивных навыков* представителей элиты.

Согласно этой новой парадигме, развивающиеся общества ограничивают насилие посредством создания политической системой *ренты* для элит с тем, чтобы обладающие властью группы и лица поняли, почему им выгодно воздерживаться от использования насилия. Этот способ организации общества называется *порядком ограниченного доступа* (ПОД) к ресурсам. Во избежание непрекращающегося вооруженного конфликта лидеры силовых групп соглашаются поделить между собой землю, рабочую силу, капитал и благоприятные возможности и юридически закрепляют *привилегированный доступ* каждого лидера к своим ресурсам. Привилегии порождают рентный механизм: если в мирных условиях величина ренты, которую лидеры получают от своих привилегий, превышает выгоду от применения силы, то лидеры надеются на мирное взаимодействие друг с другом, хотя и остаются вооруженными, чтобы гарантировать свои привилегии.

Важная черта согласия между лидерами – их способность призывать друг друга на помощь для организации и дисциплинирования членов группы каждого лидера. Одновременно элитарные организации *ограничивают* возможность создания конкурирующих с ними структур – политических партий и корпораций. Они могут установить такие ограничения законодательно или создавая специальные регулятивные препятствия для входа на рынок новых компаний и т.п. Достигнутое согласие между лидерами позволяет каждому из них наилучшим образом структурировать их клиентские организации, делая их тем самым более производительными. Следовательно, даже несправедливая система ПОД позволяет экономике медленно, но верно эволюционировать¹¹.

Чтобы лучше понять ПОД, надо проанализировать *порядки открытого*, или *свободного, доступа* (ПСД) к ресурсам. ПСД поддерживаются институтами, благодаря которым существуют свободный доступ и конкуренция: политическая конкуренция сохраняет открытый доступ в экономике, а экономическая – в политике. В ПСД госу-

¹¹ Под эволюцией в данном случае понимается рост экономической эффективности.

дарство обладает монополией на потенциальное и реальное насилие. Организованное насилие сосредоточено в военных и полицейских структурах. Политическая система, являя пример всеобъемлющих и достоверных обязательств, контролирует организации, имеющие монополию на легитимное применение насилия. Политика в ПСД также связана с балансированием интересов влиятельных сторон, однако какие-либо серьезные угрозы насильственного изменения государственного строя отсутствуют. Соответственно, вектор общественной эволюции направлен от ПОД к ПСД, от менее эффективной и справедливой системы к более эффективной и справедливой.

Подобные представления подводят к пониманию того, что главной целью в ПОД должна быть не абстрактная конкуренция и эффективность, а снижение уровня насилия. Это необходимое условие экономического развития в любом варианте. Опыт показывает, что после отмены ренты вместо конкурентной рыночной экономики нередко возникает общество с массовыми беспорядками и насилием. Объясняя это явление, теория Норта дает нетрадиционный взгляд на социальный прогресс. Чтобы избежать хаоса, следует стремиться не к одношаговому построению эффективной и справедливой экономики, а к двухшаговой процедуре – построению несправедливой, но мирной системы ренты для элит с последующим эволюционным расширением ее на других участников и переходом к ПСД. Иными словами, сначала надо договориться представителям элиты, а потом расширять возможности доступа к ресурсам на все общество. Такой дрейф системы возможен только при расширении самой практики договоренностей с узкого круга элиты на все более широкие круги.

Рассмотренная теория Норта базируется на том факте, что эффективные дискурсивные механизмы отнюдь не имманентны обществу и возникают лишь на определенной стадии его развития. Более того, совершенствование общества возможно только на базе роста эффективности дискурса, в частности общественных договоренностей между элитами. Можно сказать, что подъем эффективности дискурсивных механизмов *предшествует* росту экономической и социальной эффективности.

Следует отметить, что если в теории Хиршмана дискурс выступает в качестве инновационного фактора социальной эволюции, то в теории Норта – в качестве стабилизирующего инструмента, сдерживающего социальную энергию масс и препятствующего распаду системы с последующим возникновением хаоса.

Интересно, что теория Норта имеет множество очевидных приложений. Например, чеченская война закончилась отнюдь не в результате победы России, а из-за появившейся договоренности между руководителями России и Чеченской республики, выразившейся, в частности, в осуществлении громадных вливаний средств федерального бюджета в послевоенный регион. Это типичный пример ренты в пользу силового чеченского клана. Несмотря на все очевидные недостатки этого способа решения проблемы, в стране снизилась террористическая опасность, а Чечня возобновила экономическое развитие. И наоборот, гонения на Б. Березовского, В. Гусинского и М. Ходорковского – типичные нарушения мирных договоренностей их кланов с властью, что резко ухудшило бизнес-климат в стране и содействовало хроническому оттоку капиталов за рубеж [Мельников, 2012].

Современные проявления дискурсивного фактора

Роль дискурсивного фактора становится все более значимой, хотя это и не всегда заметно. Например, в современной истории уже сформировалось самостоятельное направление исследований – история *имагинарного* [Ле Гофф, 2011, с. 7]. Под иминарным понимается воображаемое, выходящее за рамки обычных исторических фактов и рационального мышления. Соответственно, история иминарного – это история воображения в традиционном смысле слова, история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, насыщающих его жизнь [Ле Гофф, 2011, с. 9]. Считается, что это научное направление развивается уже несколько десятилетий с момента, когда историки научились извлекать из дискурсивных

образов новые смыслы. Учитывая, что история имагинарного занимается изучением мифов, сказаний, преданий, легенд, фольклора и литературы, можно говорить, что новая дисциплина изучает исторический дискурс. Вполне правомерно задать вопрос: зачем нужно столь экзотическое научное направление, как история имагинарного?

Ответ до смешного прост: оказывается, без учета имагинарного фактора мы уже не в состоянии понять прошлое, не можем воспринять ментальную среду, в которой происходили те или иные события. Историки поняли, что факты сами по себе ничего не значат и могут интерпретироваться как угодно. Без знания эмоционального, ментального и духовного фона исторические факты оказываются бессмысленными. Отсюда и вытекает потребность в изучении имагинарного дискурса¹².

Иллюстрацией данного тезиса может служить легендарная личность благородного рыцаря-разбойника Робина Гуда, который упоминался в летописях XIV в. без какого-либо подтверждения его реального существования. Однако без этого лесного лучника трудно представить средневековую Англию. Аналогичная ситуация с королем Артуром, который, будучи изначально полулегендарной личностью, “тянет” за собой символические образы рыцарей Круглого стола, придворного волшебника Мерлина, чудесного меча Эскалибура и т.д. [Ле Гофф, 2011, с. 11, 27]. Это типично утопические имагинарные структуры, но именно в них заложена сама суть Средневековья. Еще более ярким примером служит женщина-папа Иоанна, которая, согласно преданию, смогла стать главой Церкви. Хотя такой папессы никогда не было, однако между 1250 и 1550 гг. она была объектом народного поклонения и рождения многих официальных культов (например, проверки пола папы вручную) [Ле Гофф, 2011, с. 167]. Без этого имагинарного образа трудно понять многие традиции и обряды римско-католической церкви.

Дискурсивная составляющая активно вторгается и в практическую деятельность экономистов. Классическим примером может служить Н. Рубини, признанный журналом “Forbes” самым влиятельным экономистом в мире. Он прославился в основном тем, что его прогнозы довольно часто оправдываются. Несмотря на солидную академическую карьеру, Рубини занимается бизнесом, будучи главой и одним из основателей аналитической компании “Roubini Global Economics Monitor”. Секрет его успеха лежит в профессиональном кредо “мирового кочевника”. Согласно ему, информацию о мире можно черпать из Интернета, но нет ничего лучше, чем самому посетить интересные тебе страны – пусть даже всего на три дня; нельзя ограничиваться лишь виртуальными путешествиями – необходимо самому увидеть и ощутить все в реальности, познакомиться с людьми и вступить с ними во взаимодействие. Говоря о своем аналитическом стиле, он поясняет: “Мир – это мой дом, и любые знания, касающиеся общества и культуры – сколь бы незначительными они ни казались – являются весьма ценными” (цит. по [Яшина, 2010]). Таким образом, успех практикующего экономиста основывается уже не столько на количественных методах, сколько на дискурсивном инструментарии.

Любопытно, что кризис 2008 г. был предсказан разными людьми. По крайней мере, два человека его предвидели и понимали его внутреннюю механику – Р. Шиллер и Д. Бейкер [Ефимов, 2011^a, с. 36]. При этом оба использовали методы дискурсивного анализа в среде профессионалов, от которых во многом зависело надувание “пузыря” на рынке недвижимости. Таким образом, дискурсивная методология в экономике уже сейчас дает серьезные преимущества в сфере предвидения событий.

Параллельно с этими “невидимыми” событиями, укрепляющими роль дискурсивного анализа, происходит и развитие собственно методологии дискурсивных исследований. Наверное, одним из самых последовательных современных адептов этого направления является В. Ефимов, в работах которого раскрываются почти все аспекты

¹² По поводу имагинарного характерно замечание Розенштока-Хюсси, который полагал, что человек либо раскрывает истину, либо занимается мифотворчеством. Если нет сил и энергии для раскрытия истины, то происходит ее сокрытие путем мифотворчества [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 100–101]. Учет только этого момента может дать полезную информацию об исторической обстановке.

дискурсивной экономики. В частности, он справедливо утверждает, что социально-экономические *регулярности* проистекают из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определенными социально сконструированными *правилами*, и эти правила объясняются, обосновываются и запоминаются в ходе рассказывания себе и другим некоторых *историй*. А коль скоро это так, то для выявления социально-экономических регулярностей следует осваивать и анализировать эти истории. Статистические данные и эконометрический анализ отражают не правила, которыми руководствуются люди в своем поведении, а *результаты* этого поведения. А потому исследования, успешно определяющие причинную связь, полезны, но они могут лишь намекнуть на то, что мы действительно желаем знать. Примерно так произошло с предвидением кризиса Шиллером и Бейкером, которые заметили несоответствие роста цен на недвижимость динамике затрат на строительство и платы за наем жилья (получили намек о возможности “пузыря”). Однако понять механизм возникновения “пузыря” они смогли, только изучая дискурсы участников рынка недвижимости, из которых выявили правила поведения покупателей жилья, правила поведения организаций, предоставляющих кредит на покупку жилья, и правила секьюритизации ипотечных кредитов [Ефимов, 2011^б, с. 49].

Несмотря на успехи дискурсивной экономики, движение в ее направлении происходит чрезвычайно непоследовательно. Например, возникновение поведенческой и экспериментальной экономики стало трендом в сторону дискурсивных механизмов, однако уже сегодня здесь имеется множество ошибок. Так, специалисты в этих областях предстают, по выражению Ефимова, как “теоретико-игровые экспериментаторы”. Дело в том, что в основе экспериментальных ситуаций, изучаемых поведенческой и экспериментальной экономикой, лежит математическая теория игр, а в качестве игроков, как правило, используются студенты, а не реальные акторы. В условиях лаборатории происходит выключение испытуемого из системы реальной культуры и включение его в систему иной – “лабораторной” – культуры [Ефимов, 2011^б, с. 55]. В таких случаях реальных экспериментов с объектом исследования не проводится, а теоретико-игровое экспериментирование осуществляет *подмену объекта исследования* с потерей правдивости получаемых результатов [Ефимов, 2011^а, с. 59]. В данном случае возникают две принципиальные ошибки. Во-первых, участники эксперимента должны обладать профессиональным (институциональным) знанием изучаемого явления. Например, для изучения финансовых рынков нужно вступить в контакт с биржевыми трейдерами, а не со студентами-дилетантами, как это происходит в экспериментальной экономике. В поведенческой экономике игнорирование человеческой природы экономических акторов вообще доводится до предела, когда в качестве участников эксперимента допускается участие обезьян [Ефимов, 2011^а, с. 29, 28]. Во-вторых, участники эксперимента должны осуществлять дискурсивное взаимодействие между собой. В экспериментальной же экономике моделируется игра наподобие футбола, где речевые взаимодействия не предусматриваются. Участники экспериментов (студенты, участие которых оплачивается) в сегодняшних лабораториях взаимодействуют молча.

Таким образом, дискурсивный анализ подсказывает, как надо правильно проводить социальные исследования. Исправление имеющихся ошибок могло бы существенно повысить качество получаемых научных результатов.

Цивилизационный тренд ослабления смысловой нагрузки языка

Все сказанное недвусмысленно говорит о плодотворности дискурсивной экономики. Однако было бы грубой ошибкой думать, что это направление может легко заменить накопленный количественный арсенал традиционной экономики. Это связано с тремя причинами.

Первая состоит в том, что экономика – наука об эффективности, а эффективность по определению предполагает количественную оценку. В свою очередь, эта категория тесно связана с такими характеристиками, как спрос, предложение, издержки, доход,

Характеристики познавательной деятельности человечества

Эпоха	Древность	Новое время	Современность
Тип ментального озарения	Откровение	Открытие	Изобретение (инновация)
Объект познания	Естественный материальный и духовный мир	Естественный материальный мир	Искусственный материальный мир
Сфера ментальной деятельности	Религия	Наука	Исследования и разработки
Тип знания	Сакральное (тайное)	Научное (теоретическое)	Технологическое (прикладное)

цены и т.п. Без учета этих величин никакой дискурсивный портрет изучаемого явления не будет полным. По-видимому, в перспективе перед экономистами стоит масштабная задача по осуществлению дискурсивно-математического синтеза, который бы давал как количественную, так и качественную характеристику изучаемых социальных явлений.

Вторая причина связана с особенностью дискурсивного знания. Дело в том, что даже самое глубокое познание дискурса дает такое понимание явления, которое может быть использовано только для краткосрочного прогнозирования. Это связано с высокой подвижностью и изменчивостью языковых форм и конструкций, отражающих непрерывную динамику сознания, настроений и убеждений людей. Экстраполировать зафиксированный дискурсивный портрет на длительную перспективу попросту невозможно, ибо это сопряжено с качественными ошибками. Чтобы поставить дискурсивный анализ экономики на системную основу, необходимо превратить его в инструмент перманентного скользящего исследования. В этом смысле не стоит обольщаться: дискурсивный анализ на длинной дистанции так же беспомощен, как и традиционные математические модели.

Третья причина состоит в наличии глобального тренда по ослаблению смысловой насыщенности языка. Рассмотрим это явление более подробно. Здесь следует снова вернуться к Розенштоку-Хюсси, который отмечает тенденцию к росту разрыва между *языком* и *истиной*: “Свысока взирая на эпоху откровения, мы благополучно вступаем в эпоху сокрытий, когда слова обесцениваются до уровня латунных гвоздей для диванной обивки” [Розеншток-Хюсси, 2008, с. 92]. Иными словами, речь идет об уменьшении смысловой нагрузки слов и речи. В условиях такой девальвации языка роль дискурсивных исследований с неизбежностью падает. Отныне любой современный дискурс содержит в себе такое количество искажений, шумов и дезинформации, что его объяснительные и прогностические способности нельзя считать удовлетворительными, даже после тщательной обработки и очистки. Данный факт сильно ограничивает практическую составляющую дискурсивной экономики.

Продолжая разговор о понижательном тренде смысловой насыщенности языка, следует обратить внимание на следующую чрезвычайно важную закономерность: *с течением времени масштаб ментальных озарений людей уменьшался*. Эпоха пророков и их *откровений*, касающихся основ бытия и небытия, сменилась эпохой научных *открытий* основ бытия (природы), за которой последовала эпоха *инноваций*, генерирующих изобретения новых технических устройств. Компенсацией этого ментального тренда стала другая закономерность, состоящая в росте прикладной направленности всех озарений индивидов (см. табл.).

Понижательный тренд смысловой насыщенности языка и речи связан с постепенным “измельчением” ментальных сущностей, которыми оперирует человек. Слов становится все больше, особенно специальных терминов, но все они предельно конкретны и просты; абстрактные и глобальные категории постепенно ушли из

обыденной жизни. Более того, даже в узком смысле слова грамматика подверглась разрушительным ударам, когда культура устной и письменной речи катастрофически снижается. Сегодня из-за безалаберного отношения к языку и речи уже возникает содержательное недопонимание между людьми. Совершенно очевидно, что рассчитывать в такой обстановке на получение важной информации из обыденного и даже профессионального дискурса неправомерно. По всей видимости, дискурсивная экономика может претендовать лишь на роль вспомогательного инструмента социального анализа.

К тому же указанная проблема осложняется целым рядом дополнительных обстоятельств, которые были раскрыты М. Павичем. Прежде всего язык представляет собой своего рода карту мыслей, ощущений, воспоминаний и сновидений человека [Павич, 2009, с. 99]. И как все карты, язык гораздо меньше того, что соответствует ему в реальности. Следовательно, в языке изначально заложена некая *дискурсивная ошибка*, которая в определенных случаях может быть достаточно большой, чтобы приводить к принципиальной аберрации между дискурсивным образом и реальностью. Однако, по мнению Павича, со временем язык “отшлифовался” настолько, что уже не несет в себе глубоких смыслов, не насыщен ими. Таким образом растет зазор между *линейностью языка и нелинейностью мыслей*, ощущений, воспоминаний и сновидений человека. Роль и значение дискурсивного инструментария снижаются, язык вырождается. Одновременно с этим образовавшийся зазор между языком и реальностью в новую эпоху заполняется более экономичными (эффективными) неязыковыми (знаковыми) системами коммуникации, сокращающими те пути, которые в течение тысячелетий прокладывал язык. В связи с этим можно говорить о наличии своеобразного *дискурсивного кризиса*.

Одно из следствий углубляющегося дискурсивного кризиса – умирание литературы и традиционного романа. Данный факт позволил Павичу поставить парадоксальный вопрос: можно ли спасти литературу от языка? Ответом на него стало появление в конце XX в. нелинейной литературы и интерактивного романа, классическими образцами которых стали произведения самого Павича: роман-словарь “Хазарский словарь”, роман-кроссворд “Пейзаж, нарисованный чаем”, роман-клепсида “Внутренняя сторона ветра”, роман-таро “Последняя любовь в Константинополе”, астрологический роман-справочник “Звездная мантия”. Однако столь сложная интерактивная организация текста, а следовательно, и литературного дискурса, ведет к неоднозначности заложенного в нем смысла и к усечению познавательных возможностей дискурсивной экономики.

Имеется у дискурсивной экономики и *идеологическое препятствие*. Так, дискурсивный подход в экономических исследованиях создает для существующей культуры вполне реальную угрозу. Экономисты, использующие этот подход, работают не только как статистики, но и как антропологи. Однако частные фирмы и государственные организации не заинтересованы быть объектами детальных исследований антропологического типа, так как они могут выявить и сделать достоянием гласности немало асоциальных и даже аморальных элементов их деятельности [Ефимов, 2011^а, с. 52]. Стремление экономических агентов к ограничению транспарентности их деятельности сдерживает применение дискурсивного анализа.

* * *

Не исключено, что дискурсивный анализ, несмотря ни на что, уже в обозримом будущем станет основой для познания сложных социальных явлений. Однако он не сможет существовать в качестве *научной монотехнологии*. Скорее всего, он будет встроен в более общую эпистемологическую схему наряду с интерактивными процедурами и количественными методами. Однако такая комплексная парадигма познания социальных процессов предъявляет повышенные требования к исследователям и тем самым ставит новые кадровые проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В.* Закономерности и парадоксы социальной эволюции // Капитал страны. 24.03.2012.
- Балацкий Е.В.* Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // Общественные науки и современность. 2011. № 5.
- Веллер М.* Энергоэволюционизм. М., 2011.
- Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. 2011^а. Т. 12. № 3.
- Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2011^б. Т. 2. № 3.
- Кургиян С.* “Это все геббельсовская пропаганда”// “НК-TV”, 20.02.2012 (<http://nk-tv.com/interview/5841--q-q-q-q-.html>).
- Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М., 2011.
- Мельников А.В.* Насилие и деградация // Капитал страны. 12.07.2012.
- Мюллер Д.* Общественный выбор III. М., 2007.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. Доклад к XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 3–5 апреля 2012 г. М., 2012.
- Павич М.* Биография Белграда. СПб., 2009.
- Розенток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 2008.
- Хиришман А.О.* Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М., 2009.
- Яшина Г.А.* Нуриэль Рубини: прогнозы самого влиятельного экономиста // Капитал страны. 11.11.2010.

© Е. Балацкий, 2014

Сдано в набор 17.10.2013	Подписано к печати 06.12.2014	Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}	Цифровая печать Усл. печ.л. 14,3	Усл.кр.-отт. 4,8 тыс. Уч.-издл. 18,5
Бум.л. 5,5	Тираж 327 экз. Зак. 1893	Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука” РАН, Профсоюзная ул., 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099